

Последний из духов лег на погребальный венок, и звонарь, указывающий путь, спрятал свой колокольчик. Бессмертная Тань Шуан неспешно подошла ближе и выкрикнула два имени. Двое юношей, записывавших что-то в свитки, одновременно подняли головы.

— Этот ребенок ищет душу. Помогите ему, а я вас потом награжу чем-нибудь стоящим.

Цзи Цайсюэ пришел в себя и по знаку Тань Шуан подошел к юношам. У обоих была открыта лишь одна глазница, вторая же плотно завязана белой тканью. Заметив, что взгляд Цзи Цайсюэ задержался на их глазах, юноши не стали скрывать правду и объяснили: их закрытые глаза на самом деле остались в Миньфу, чтобы следить за тем, как Мингуань сверяет личности умерших. Так они получали информацию, необходимую для записей в Книге Жизни и Смерти.

Цзи Цайсюэ не знал точно, когда именно произошло вселение в тело его шисюна. Он мог лишь примерно рассчитать временной промежуток, отталкиваясь от того момента, когда тот прибыл в мир совершенствующихся — пятнадцать дней назад. Он назвал юношам имя и дату рождения шисюна, а также пояснил, что, скорее всего, тот погиб именно из-за захвата тела. Однако юноши, немного подумав, лишь покачали головами.

— Прости, но мы совершенно не помним человека, о котором ты говоришь, — сказал один из них.

— Мы записываем очень много смертей каждый день, к тому же прошло уже немало времени. Возможно, мы просто забыли, — добавил второй. Он извлек из стопки книг несколько томов с записями за нужный период и протянул их Цзи Цайсюэ: — Здесь хранятся записи о духах, прибывших за последние пятнадцать-тридцать дней. В первом столбце — имена, во втором — даты рождения.

— Понял, благодарю вас, — Цзи Цайсюэ принял три толстых тома, подумав про себя, что теперь ему предстоит немало работы.

Оставшуюся часть дня он провел, листая страницы и вглядываясь в имена. Солнце село, взошла луна. Он лежал на узком деревянном столе, чувствуя полное истощение.

Комнату, где он остановился, выделили те самые юноши-писцы. Тань Шуан, отвечающая за порядок, куда-то исчезла — с самого обеда Цзи Цайсюэ ее не видел.

Все здания в Иньчэне были построены по одному образцу: круглые, как и в Янчэне, по шесть этажей в каждом. Первый этаж занимали лавки и склады, а пять верхних — жилые комнаты. Цзи Цайсюэ на глаз определил, что площадь помещения составляет не более семи-восьми квадратных метров: кровать да письменный стол — и места почти не осталось. Пять этажей таких одиночных камер — чем не общежитие?

Впрочем, если вспомнить его прошлую жизнь, то отдельная комната в студенческие годы была пределом мечтаний!

На самом деле, такая планировка имела смысл. Подавляющее большинство обитателей Иньчэна — духи умерших. Ежедневно число прибывших и убывших душ примерно совпадало, и город в любой момент времени должен был вмещать не менее двухсот тысяч духов. Подобная конструкция зданий позволяла решить эту задачу.

Так даже те, кто уже покинул мир живых, могли не скитаться под открытым небом.

Цзи Цайсюэ жевал сухой паек и смотрел в окно. Холодный лунный свет заливал великую реку и проникал в комнату, заставляя золотую цепочку на его запястье мягко мерцать. Он посмотрел на браслет, снова попытавшись его снять, но безуспешно — лишь до крови перетянул кожу на запястье.

Если нельзя больше просить о помощи Шэнь Ханя, кто поможет ему передать весть наставнику в мир живых...

Цзи Цайсюэ вздохнул, решив не изводить себя напрасно. Как говорится, вода камень точит, а там видно будет. Сейчас главное — найти душу шисюна.

Насытившись, он снова погрузился в монотонную, утомительную работу. В последний раз он чувствовал, что нынешняя жизнь хуже прошлой, десять лет назад, когда только попал сюда. Тогда его принудительно отлучили от телефона, и перед лицом жизни в древности, где работа начиналась с рассветом, а заканчивалась с закатом, он страдал от бессонницы и хандры, каждый день надеясь, что завтра проснется в двадцать первом веке с его богатыми развлечениями. Сегодня он снова ощутил это острое чувство, проклиная отсталость мира совершенствующихся: столько тысяч лет истории, а никто до сих пор не изобрел систему баз данных.

Так прошло два дня за ручным поиском сведений. Число неисследованных страниц таяло, а тревога Цзи Цайсюэ росла. Он утешал себя мыслями, что имя шисюна наверняка на следующей странице, пока с темными кругами под глазами не дочитал последнюю запись.

Шисюна там не было.

Среди всех умерших за эти пятнадцать дней не было ни его шисюна, ни Чу Ляньвэя.

Раздался стук в дверь. Цзи Цайсюэ машинально ответил: — Войдите. В комнату вошел юноша с одним открытым глазом — это был Цзян Хайхай.

— Мы попросили старшую сестру приготовить Линьмэньван, и она справилась, — Цзян Хайхай протянул ему флакон с бледно-голубой жидкостью. — Выпив это, дух временно обретет самосознание, и ты сможешь задать шисюну все вопросы. Ну что, нашел его имя?

Прежде чем попасть в Иньчэн, духи проходили суд в Миньфу, где их самосознание уже было

стерто. Только этот отвар мог на короткое время вернуть им разум для нормального общения.

— Хайхай... — Цзи Цайсюэ был явно не в себе. Имени не было. Может, вселение произошло раньше, чем он думал? Или душа шисюна вовсе не попала в Иньчэн? — Здесь... нет имени моего шисюна...

— Нет? — Это явно удивило и самого Цзян Хайхая. Он немного помолчал и сказал: — В таком случае, думаю, есть две причины: либо в твоего шисюна вселились больше месяца назад, и его душа уже ушла в реку Найхэ; либо...

— Его душа все еще в мире смертных или... в Миньфу.

— В Миньфу?

— Именно. Я склоняюсь к тому, что душа осталась в Миньфу, — кивнул Цзян Хайхай. — После того как душа покидает тело, Минчай, патрулирующие мир живых, провожают ее в Миньфу. Пропуски случаются редко, а даже если и случаются, не могут длиться целый месяц. Если бы дух задержался в мире живых, он бы со временем накопил столько обиды, что его бы немедленно обнаружили Минчай.

Если душа застряла в Миньфу... честно говоря, я читал о таком лишь в книгах. Либо дух приглянулся Владыке Миньфу и его оставили там на службе, либо душа неполная: ее доставили в Миньфу, но переродиться она не может, и ее держат там, пока она окончательно не развеется.

Видя, как бледнеет Цзи Цайсюэ, Цзян Хайхай поспешил утешить его: — В твоего шисюна вселились в мире смертных, а там действуют законы Небесного Пути. Даже великие мастера не могут использовать там заклинания, повреждающие душу. Скорее всего, душа твоего шисюна цела, возможно, его просто приняли на должность Мингуаня.

Цзи Цайсюэ сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться, и спросил: — Живой человек может попасть в Миньфу?

— Теоретически да, но Миньфу — это не Иньчэн. Это обитель истинных призраков. Там царит такая мертвая энергия, что живой человек каждую четверть часа теряет год жизни. — Цзян Хайхай замедлил речь, догадываясь о намерениях Цзи Цайсюэ, и не удержался от попытки отговорить его: — Твоя база совершенствования — лишь Закладка Основания, продолжительность твоей жизни ничем не отличается от смертной. Если ты...

— Все в порядке, Хайхай, — Цзи Цайсюэ покачал головой и улыбнулся, чтобы юноша не волновался и понял, что решение принято. — Когда я был в мире смертных, наставник гадал мне и сказал, что у меня впереди бесконечное счастье. Все, что я задумал, обязательно сбудется.

— С тех пор как я попал в мир совершенствующихся, больше всего на свете я хочу найти своего шисяна, — он перестал улыбаться и торжественно, искренне попросил: — Хайхай, позволь мне отправиться в Миньфу.

Цзян Хайхай растерялся. Он кусал губы, чесал затылок и лишь спустя долгое время тяжело вздохнул, уступая: — Хорошо. Отдыхай сегодня, а завтра в полдень я приду за тобой и отведу к воротам Миньфу.

Получив разрешение, Цзи Цайсюэ внешне остался спокоен, но внутри ликовал. Эта радость немного притупила тревогу последних двух дней. Однако, проводив Хайхая и легши в кровать, он снова почувствовал уколы беспокойства. Он не боялся опасностей Миньфу — с его низким уровнем совершенствования он чувствовал себя как человек, которому нечего терять. Он боялся лишь того, что и в Миньфу не найдет шисяна, что действительно упустил последний шанс увидеть его.

К счастью, усталость быстро унесла его в мир снов, где не было места печали. Спящий Цзи Цайсюэ не знал, что золотая цепочка на его запястье тихонько испустила слабое золотое свечение, которое несколько раз мигнуло и медленно угасло, словно ничего и не было.

На следующий день, в полдень.

Цзи Цайсюэ задрал голову, глядя на огромные темно-синие каменные ворота. Шея затекла.

Теперь он понимал, почему у Иньчэна есть только южные ворота и нет северных — место, где должны были быть ворота и городская башня, занимал этот вход в Миньфу. Он не видел, что за ними: темные врата напоминали огромный водоворот, поверхность которого покрывала рябь, словно вода, пульсирующая, будто живое существо.

— Такое важное дело, как поход в Миньфу, должна была бы курировать Бессмертная Тань Шуан. Хотя сейчас она в отъезде, вчера я доложил ей о твоём намерении, — Цзян Хайхай повернулся к Цзи Цайсюэ и раскрыл ладонь, на которой лежала белоснежная жетон-табличка. — Она велела передать это тебе. Если Мингуань спросит, кто ты, покажи жетон. Больше ничем помочь не могу, за свою жизнь и смерть ты отвечаешь сам.

Цзи Цайсюэ взял жетон. Увидев встревоженное лицо Хайхая, он почувствовал, как нервозность отступает, и подшутил: — Со стороны кажется, будто это ты туда идешь, а не я. Не волнуйся, я знаю, что делаю.

Цзян Хайхай понимал, что переубедить его невозможно, поэтому, даже не одобряя затею, лишь пожелал ему доброго пути. Попрощавшись, Цзи Цайсюэ сжал жетон и, словно входя в самые обычные ворота, медленно шагнул внутрь.

Его словно затянуло в бездну, в крошечную тьму. Сначала навалилось удушье, похожее на утопление, а затем конечности и тело стали легкими, словно с него содрали плоть.

Первоначальный дискомфорт постепенно исчез, и, когда он снова обрел контроль над своим телом и зрение, он увидел...

Крайне изможденное, бледное лицо с выпученными глазами, из семи отверстий которого сочилась кровь.

Цзи Цайсюэ в ужасе хотел развернуться и бежать, но, прежде чем сделать шаг, вспомнил, что путь назад ведет через ворота, и заставил себя остановиться. Не успел он собраться с духом, как увидел, что сквозь его собственное тело проходит слабый белый свет. Он ошарашенно смотрел, как этот окровавленный человек проходит сквозь него, и лишь спустя время пришел в себя.

Оказывается, это просто дух...

Цзи Цайсюэ осмотрелся и заметил, что призраки словно не замечают его, принимая за пустое место. Он с облегчением выдохнул и принялся изучать обстановку. Перед ним пролегал единственный коридор: широкий желоб с вогнутым дном и сводчатым потолком, напоминающий увеличенный канализационный тоннель. Вокруг царила тьма и мертвая тишина, никаких светильников не было — единственным источником света служили сами духи, излучавшие слабое белое сияние. Цзи Цайсюэ шел по дну желоба, стены по бокам были крутыми и высокими, но неровными, так что при желании можно было вскарабкаться наверх.

Поколебавшись, Цзи Цайсюэ решил пока не подниматься — внизу дорога была хотя бы светлой и просторной. Он быстро зашагал вперед по тоннелю. В темноте и тишине ощущение времени стало размытым. Он не знал, сколько прошел, лишь видел одну и ту же бесконечную дорогу.

Вдруг он остановился. Цзи Цайсюэ слегка поднял голову, нахмурился, вслушиваясь и невольно поджав губы.

Он уловил тихие звуки, похожие на голоса.

Прислушавшись снова, он почувствовал панику и машинально огляделся в поисках укрытия. Не найдя ничего, он просто прижался к стене и присел. Затем он подумал, что ведет себя слишком подозрительно — ведь он не нарушитель, не пришел разрушать, у него даже жетон есть...

Двое, что приближались, беседуя, скорее всего, были чиновниками Миньфу. Может, стоит просто выйти и спросить дорогу? Вдруг они подбросят его, чтобы он не блуждал вслепую и не пропустил какой-нибудь секретный проход.

Не успел он принять решение, как Мингуани подошли достаточно близко, чтобы он мог разобрать их слова.

— Честно говоря, за все время моей службы в Миньфу я такого не встречал, — сказал голос с резкими нотками. — У него поразительная судьба: смертный, в тело которого вселился совершенствующийся, да еще и после смерти душа оказалась неполной — даже переродиться не может. Кстати, ты заглядывал сегодня в Пещеру Заточения?

— Сегодня не моя смена, зачем мне туда идти? — ответил другой, более низкий голос. — Да и наставник говорил, что в такие дела лучше не вмешиваться.

— Твой наставник опять проявил жалость. Я ведь знаю, он пятьдесят-шестьдесят лет был учителем, когда был жив, и вряд ли встречал таких талантов. В месте с такой скудной духовной энергией, как мир смертных, к двадцати годам достичь Золотого Ядра... Если бы ему дали время, он мог бы стать первым за сотню лет, кто вознесся бы из мира смертных в мир совершенствующихся. Жаль, такая беда приключилась, — в резком голосе слышалось странное, неискреннее сочувствие. — Позже все-таки схожу в Пещеру Заточения. Если душа уже развеялась, нужно будет немедленно доложить Владыке.

<http://bllate.org/book/18928/1852102>